

ДИСКУССИЯ

Минимализм в языке и речи

Вадим Борисович Касевич

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В лингвистических разделах своей монографии «Не спи, кругом змеи» Эверетт стремится продемонстрировать уникальные свойства языка пираха — предмета его исследования. Однако его попытки не достигают цели. Так, лексические тоны широко распространены в мире (хотя Эверетт, похоже, относится к ним «с подозрением»). Много внимания уделяется проблеме рекурсии. Согласно Хомскому и многим другим, рекурсия делает коммуникативную систему языком. По Эверетту же, то, что в одном языке достигается без использования правил рекурсии, требует рекурсии в другом языке. Можно предположить, что существует когнитивный механизм, который выбирает наиболее «низкозатратный» вариант для получения оптимального результата.

Контактная информация: Вадим Борисович Касевич, vadim.kasevich@gmail.com; 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11.

Ключевые слова: минимализм, эссенциализм, низкозатратные когнитивные механизмы, рекурсия, цикличность

© 2018 Вадим Борисович Касевич. Данная статья доступна по лицензии [Creative Commons “Attribution”](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этой статьи на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с канонами научного цитирования.

Статья поступила в редакцию 16 апреля 2017 г. Принята в печать 25 марта 2018 г.

На обложку русского перевода монографии Эстена Даля «Возникновение и сохранение языковой сложности» (Даль, 2009) вынесены некоторые из вопросов, которые, видимо, представляются автору (и/или издательству) наиболее притягательными для потенциального читателя. Среди вопросов и такой: «Говорят ли сейчас где-нибудь на настолько простых языках, как первобытный „язык Эдема“?». Не имея в своем распоряжении несомненных образцов языка Эдема, можно предположить, что это некий идеальный язык, идеальность которого, среди прочего, проявляется в отсутствии «всего лишнего»¹. «Отсутствие всего лишнего» обозначают также термином «эссенциализм» (упоминание только того, что несомненно существенно). В свою очередь, так понимаемый эссенциализм сближается с *минимализмом*.

Минимализм можно трактовать по меньшей мере трояким образом: в смысле Минималистской Программы Хомского (к ней я буду обращаться лишь эпизодически); как художественный прием и стиль в архитектуре, музыке, дизайне (это, естественно, не будет меня занимать); наконец, как лексему общелитературного языка. Последняя, не будучи термином, отражает очень важные аспекты проблем, которые мы здесь обсуждаем. Иначе говоря, речь пойдет в первую очередь о гипотезе, согласно которой пираха представляет собой «максимально простой» язык: в нем

используются лишь те языковые средства, которые (абсолютно?) необходимы для получения/передачи информации о данной ситуации.

Начнем с того, что применительно как к языку, так и к речи можно говорить о каком-то разумном балансе между параметрами плана выражения и плана содержания. Нужен некий *минимум* средств выражения, который позволял бы «оформить» релевантный для номинации и коммуникации набор содержательных «единиц». Иначе в языке и тексте (речи) будет слишком высокий процент омонимии — одной и той же форме будет отвечать слишком много возможностей ее семантизации². Разумеется, всё это достаточно спекулятивно, никто не знает конкретных параметров; обычно называемые величины порядка 50% избыточности произвольного текста (избыточность явно связана с обсуждаемыми проблемами) вряд ли дают нужное представление об ответе на соответствующие вопросы. К тому же при изучении соотношения формы и содержания заметный количественный уклон в ту или иную сторону чаще всего оценивается по-разному: если, скажем, одной и той же семантической «единице» соответствует большой набор слов, то это похвально, это проявление лексического богатства языка, в то время как неразвитость синонимии может расцениваться как своего рода эстетическая ущерб-

¹ Даль замечает, что «этот принцип подпадает под „постулат релевантности“ Грайса» (Даль, 2009, с. 24).

² Когда говорят, что язык «боится» омонимии, это нужно понимать со значительными оговорками: надо учитывать, что омонимия часто (правда, желательно указывать, как часто) снимается за счет контекста.

ность (разумеется, здесь полностью игнорируются прагматические установки и многое другое).

Допустим, что возникает задача увеличить объем словаря (когда нужный минимум, о котором говорилось выше, почему-либо не достигнут). Это может быть достигнуто разными средствами: за счет заимствования; лексического расщепления; метафорического переноса и, конечно, использования словообразовательных механизмов в языках, где таковые представлены. Если мы допускаем также функционально-семантическое равенство между единицами (прежде всего словами) и их коллокациями (устойчивыми сочетаниями типа *вооруженные силы*), то получаем весьма широкую свободу маневра. В то же время язык, похоже, не очень «любит» расшатывание оппозиции слова и словосочетания, и злоупотребление таким способом выражения сопряжено с определенными обременениями (вроде резкого увеличения объема словаря).

Налагая сказанное выше на язык пираха, получаем следующие варианты разрешения ситуации. Мы не знаем, даже примерно, объем словаря пираха. Но мы видим, что структура слога очень проста (налицо жесткие ограничения на слоговые структуры) — настолько, что, по-видимому, имеющихся ресурсов недостаточно для того, чтобы обслужить словарь. В этих условиях есть два решения. Первое состоит в том, чтобы снять ограничения на длину значимых единиц (практически допустить морфемы, слова неопределенной длительности, а также, вероятно, любые повторения идентичных фонологических единиц — фонем, силлабем). Это явно неэкономное решение, и в естественных языках оно, кажется, неизвестно.

Естественные языки «выбирают» другой путь: наряду с сегментными фонологическими единицами вводятся несегментные (супraseгментные) — *тоны*; тоны выступают как просодические (чаще всего мелодические) характеристики слогов (силлабем), один и тот же по набору гласных/согласных слог обязательно принимает тот или иной тон из фиксированного фонологического набора, то есть число слогов потенциально умножается на число тонов. Как нетрудно видеть, в такого рода картине оптимально сочетается умножение диакритических средств с сохранением используемых фонологических стратегий. Фактически это *самый простой* из возможных подходов, и неслучайно, что он известен на материале огромного числа языков (достаточно вспомнить китайско-тибетскую языковую семью), поэтому некоторое удивление Эверетта при «обнаружении» тонов в пираха как чего-то экзотического выглядит странно.

То, о чем выше шла речь, можно назвать *морфологической минимизацией* (ср. с «пунктами Трубецкого» при описании задач морфонологии, Трубецкой, 1967). Есть и *синтаксическая минимизация*, которую проиллюстрируем примером из статьи Се Синьи. Этот автор (Hsieh, 1979) трактует предложение типа *Иван дал Петру книгу для Марии* следующим образом: *Иван дал & дал книгу & книгу Петру & дал для Марии*. Тем самым синтаксическое дерево принимает «плоскостной» характер (фактически всего один уровень), а все предикаты автоматически становятся одноместными.

Разница, конечно, в том, что анализ Се Синьи не отражен на поверхности, а аналогичные конструкции в пираха — отражены.

Можно увидеть здесь и аналогии с генеративным анализом, где объединение бинарных составляющих в рамках более сложных конструкций осуществляется за счет вычеркивания тождественных лексем (ср. использование Generalized Transformation в ранней версии Хомского и его же трансформации Merge в Минималистской Программе), то есть развитая синтаксическая иерархия возникает на базе строго бинарных синтагм. В некотором смысле язык здесь развивается от простого к сложному, что выглядит нарушением принципа тяготения к минимализму. Однако в окончательном анализе многое будет зависеть от соотношения поверхностных и глубинных структур: если считать, что только глубинные структуры должны наделяться статусом «подлинных»³, то сложные структуры будут своего рода «эпифеноменом». Наконец, тяготение к минимализму в языке пираха, с его консерватизмом и скромным диакритическим ресурсом, не «подталкивается» каким бы то ни было внешним давлением (ср. Кошелев, 2016), и «разобранный» (в смысле — на детали) синтаксис сохраняется неопределенно долго.

Еще один ракурс рассмотрения нашего языка, связанный с характером синтаксического дерева, также представляется небезынтересным.

В принципе, вполне возможно совместить преимущественно плоскостной характер синтаксического дерева и реализацию конструкций с многовалентными предикатами. Для этого надо ввести ограничение на число синтаксических уровней, которых не должно быть больше двух; выглядит это так: один уровень формируется глаголом-сказуемым и его актантами, а другой — за пределами основного дерева; в сущности, это сирконстант.

Этот сирконстант, уже выходя в область речи и, очевидно, используя соответствующие интонационные средства, есть все основания трактовать как парцеллят (ср. конструкции русского языка типа *Он... тоже пошел. В магазин. Сигарет купить* — пример из Шукшина в работе Ванникова, 1990, с. 369; парцелляты подчеркнуты).

Разбор модельного примера (про Ивана, Петра и книгу) позволяет перейти и к другой, одной из самых важных для описания пираха, проблеме — проблеме *рекурсии*, которая безусловно имеет отношение к синтаксической декомпозиции и отсюда к минимализму.

«Традиционно рекурсия, — пишет Эверетт, — понимается как способность „вкладывать“ один объект или процесс внутрь другого объекта или процесса, относящегося к данному типу...» (Эверетт, 2016, с. 247). Как мы помним, Хомский считал введение рекурсивных правил основным условием для перехода к Стандартной Теории. Если не использовать рекурсивные правила, то нужно обязательно допустить особые правила типа Generalized Transformation или Merge, уже упоминавшиеся выше. Но если не стремиться

³ Такой подход особенно характерен для генеративной фонологии, где, например, right фонологически трактуется как rɪt, sign как sɪŋ и т. п.

к раннему переходу к терминальной цепочке⁴, а пользоваться правилами переписывания типа $S \rightarrow NP VP$; ... $NP \rightarrow S$, то процесс порождения будет разворачиваться заново — теоретически бесконечно, как это и положено при подлинной рекурсии.

Нужно, однако, иметь в виду, что существуют разные типы рекурсии. Эверетт, как мы только что видели, рассматривает любую рекурсию как вложение; в литературе тоже механизм рекурсии часто иллюстрируется и использованием правила переписывания, и хрестоматийными примерами типа *Вот дом, который построил Джек...* или *У попа была собака...*, где рекурсия «на поверхности». Но действительно ли рекурсия по типу $S \rightarrow NP VP$; $NP \rightarrow S$ и т. д. (запись упрощена) и рекурсия наподобие *У попа была собака... и на могиле написал, что...* «изоструктурны»? Еще раз обратимся к понятию вложения. Слово (термин) «вложение» как будто бы предполагает, что есть позиция, куда вставляется некая единица, и имеется сама эта единица. Но когда используется правило переписывания (см. выше), то трудно утверждать, что для «вкладываемой» единицы зарезервирована некая позиция, вероятно незаполненная, где должна найти свое место данная единица. Здесь могла бы идти речь не столько о вложении, сколько о «переквалификации» соответствующей единицы и замене ею уже представленной составляющей. Кажется адекватным, что в относительно ранних версиях генеративизма термину «правило переписывания» отвечал в качестве синонима термин «правило подстановки».

Итак, термин «рекурсия» покрывает разные, пусть и соотносящиеся, процессы. Но насколько вообще необходимы для описания языковых структур представления о механизме рекурсии? Прежде всего, каков его приспособительный эффект? Пожалуй, использование в речи рекурсивных структур скорее создает трудности для восприятия речи. Так, бесконечное наращивание длины предложения при вложении (например, при вложении атрибутивных конструкций) на каком-то этапе просто мешает осмыслению текста, поскольку слушающий (в силу ограничений памяти) утрачивает способность следить за нанизывающимися «матрешечными» конструкциями.

Эверетт, соглашаясь с толкованием рекурсии как важного синтаксического средства, выражает сомнения в его универсальности. Не без иронии он пишет: «Если я могу соединить вместе слова, чтобы получить предложение, и предложения, чтобы получить связный текст, то это рекурсия [?]

(Эверетт, 2016, с. 248–249). «Значение рекурсии сильно преувеличено, — читаем мы в другом месте. — Вероятно, всё, что можно сказать на одном языке с помощью рекурсии, можно выразить на другом без нее» (Эверетт, 2016, с. 247). Еще более заостряя проблему, можно сказать, что синтаксис пира-

ха, по-видимому, не обладает *техническими средствами*, позволяющими одно предложение вводить в состав другого, то есть пираха оперирует только простыми предложениями.

И все же трактовка рекурсии, представленная в предыдущих строках, недостаточно акцентирует другую сторону обсуждаемого явления. Заключается она в том, что структура языка приобретает значительно большую прозрачность, если, пользуясь рекурсивными правилами, мы представим ее (структуру) как *минимальный* набор предложений, частично однотипных и частично же позволяющих вложение одного в другое⁵.

В логико-математической литературе рассматриваются также понятия *цикла* и *цикличности*, и большинство авторов, по-видимому, исходят из эквивалентности (или по крайней мере существенной близости) этих понятий понятию рекурсии. Одно время в лингвистике активно обсуждалось понятие «трансформационного цикла» (Chomsky, Halle, 1968). Из имеющихся в лингвистических определениях цикла ближе всего к толкованиям рекурсии описание *цикла программы*: «многократно используемый в процессе вычисления участок программы» (Глушков, 1979, с. 585). Заслуживает внимания и подход к циклу как к цепи графа, «содержащей хотя бы одно ребро, у которого конечная вершина совпадает с начальной» (там же, с. 584).

Представляется, что в области гуманитарных дисциплин оправданны и более широкие представления о циклах и цикличности. Прежде всего, архаические трактовки времени — это в типичном случае трактовки времени как цикла — или как ритма, что в данном случае практически одно и то же (ср., например: Касевич, 1996/2004). Иначе говоря, архаическое сознание, «воспитанное» постоянно воспроизводимыми ритмами/циклами в организме, природе и обществе, именно в этих терминах строит свою картину мира.

Цикличность мира («конечная вершина совпадает с начальной») делает более или менее irrelevantными представления о начале и конце. Категории субъекта и объекта тоже становятся взаимобратимыми. Это прекрасно выражено древнекитайским мудрецом Чжуанцзы: «Однажды Чжуану Чжоу приснилось, что он — бабочка <...> [Он] наслаждался от души и не сознавал, что он — Чжоу. Но вдруг проснулся, удивился, что [он] — Чжоу, и не мог понять: снилось ли Чжоу, [что он — бабочка], или бабочке снится, [что она] — Чжоу» (Мудрецы Китая, 1994, с. 138).

Говоря о мировоззренческих категориях, отражающихся в языке пираха, нельзя не упомянуть так называемый принцип непосредственного восприятия (ПНВ). Вообще говоря, если бы это было так, как считает Эверетт, то вряд ли в языке пираха была бы *грамматическая категория эвиденциальности*, содержание которой именно в том и заключается, чтобы противопоставлять (грамматически!) ситуации, отражающие непосредственный опыт говорящего,

⁵ Ср., например, не раз переиздававшееся и переведившееся пособие Хорнби (Hornby, 1975).

⁴ Упомянутое здесь «стремление» — не спекулятивная гипотеза, оно подкрепляется экспериментальными данными: на материале русского и испанского языков показано, что при инструкции «Продолжите цепочку слов!» испытуемые выбирают из объективно доступных такие варианты, которые обеспечивают кратчайший путь к завершению предложения (Касевич, Новикова, 2016).

ситуациям, о которых говорящему известно через посредников, понаслышке и т. п.⁶

Если мы отвлечемся от указанного противоречия (или, во всяком случае, странности), то рассуждать можно примерно следующим образом (ср. Выготский, 1982). В онтогенезе знак естественного языка, который призван идентифицировать вещь и отличать данный знак от всех прочих, приблизительно до двухлетнего возраста воспринимается ребенком как *один из признаков вещи-денотата* — наряду с формой, текстурой, цветом и т. п. Позднее приходит *эмансипация знака от его денотата*, но тесная связь между ними, естественно, сохраняется. Она проявляется прежде всего в том, что закрепляется зависимость «есть слово (знак) — ищи вещь», от которой этот знак «отпочковался». Знаки (слова) не берутся из «ниоткуда», они суть остаточные компоненты своего рода синкретов.

Наивная психология идет дальше. Она склонна настаивать и на обратной по направлению зависимости: «есть вещь — должно быть и слово» (примерно как в старом анекдоте про поручика Ржевского). Иначе говоря, наивная психология носителя языка тяготеет к ситуативному *восстановлению* того синкрета, который существовал в раннем онтогенезе⁷.

Принцип синкретичности слова-вещи, как можно назвать то соотношение, о котором говорилось выше, и «принцип непосредственности восприятия (ПНВ)» хорошо согласуются. Пираха, можно сказать, живут в «витгенштейнианском» мире — в том смысле, что для них вербальное и реальное изоморфны друг другу, притом их соотношение неизменно. Отсюда и абсолютная убежденность в том, что духи столь же реальны, сколь обычные люди (ведь *слово* «духи» есть!), и совершенно гераклитовский вопрос по поводу вынырнувшего героя повествования: это тот же самый персонаж, который на глазах у говорящего погружался под воду, или нет?

При рассмотрении соответствующих вопросов, по-видимому, надо учитывать и пронизывающей все сферы жизни *консерватизм* пираха — их глубокую веру в то, что мир не меняется в некоторых релевантных отношениях. Так, если известно, что каноэ умеют делать лишь мастера из деревни Пау-Кеймаду, то пираха будут настаивать, что они (пираха) не владеют соответствующими навыками — хотя опыт показывает, что на самом деле это не вполне отвечает действительности (Эверетт, 2016).

И еще одна параллель здесь определенно напрашивается. Я имею в виду работы Александра Романовича Лурия (Лурия, 1979), а позднее Пеэ-

тера Тульвисте (Тульвисте, 1988) и др. о влиянии типа культуры на восприятие мира. Можно вспомнить, как решали (точнее, не решали) классические аристотелевские силлогизмы представители архаических культур. В ответ на вопрос, какого цвета медведи на Новой Земле, где все медведи белые, информанты, вместо того, чтобы сослаться на большую посылку, заявляли, что они никогда не бывали на Новой Земле. Здесь и ПНВ, и роль культуры, и многое другое.

Временами Эверетт впадает в преувеличение, утверждая, например, что «грамматика менее важна, чем нам представляется» (Эверетт, 2016, с. 224). Вспоминается прямо противоположное по смыслу высказывание Александра Алексеевича Холодовича: «Слова ничто, конструкции — все!». Думается, в обоих высказываниях сквозит некоторый «экстремизм».

Есть к текстам Эверетта общее методическое замечание. Когда занимаешься полевыми исследованиями, работаешь с новым, неизвестным материалом, весьма желательно учитывать как минимум два обстоятельства. Во-первых, необходимо освоить «технологии» полевых исследований (см., напр., Kibrik, 1977), включая методику разработки анкет для испытуемых и т. п.; во-вторых, полезна постоянная оглядка на возможные типологические параллели: они не обладают доказательной силой для решения соответствующих задач, но помогают более осмысленно подойти к проблеме, избежать «теоретического шока» (наподобие «открытия» фонологических тонов в пираха).

В заключение этих кратких заметок можно сказать, что работы Эверетта не зря вызвали большой интерес лингвистов, психологов, этнологов и других специалистов в области (широко понимаемой) антропологии. Автор изучает весьма нетривиальный материал классическим методом включения. Вероятно, для лингвиста этот ценнейший материал (добытый отнюдь не кабинетным ученым) интересен прежде всего демонстрацией того *минимального семиотического багажа*, который необходим, чтобы система достаточно эффективно выполняла роль естественного языка.

Литература

- Ванников Ю. В. Парцелляция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
- Выготский Л. С. Проблемы общей психологии // Собрание соч.: В 5 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982.
- Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. М.: URSS, 2009.
- Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996/2004.
- Касевич В. Б., Новикова М. Ф. Линейное прогнозирование в речи: Эскиз экспериментальной методики и некоторые теоретические соображения (на материале русского и испанского языков) // Мога. Мовлення. Комунікація: Збірка статей на честь ювілею О. І. Стеріополо. Київ: Вид. центр КНЛУ, 2016. С. 77–95.
- Кошелев А. Д. Пираха как пример языка, «застывшего» на начальной стадии эволюции // Послесловие к кн.: Эверетт Д. Не спи — кругом змеи. Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: ЯСК, 2016. С. 341–378.

⁶ Очень часто формы эвиденциалиса развиваются в соответствующих языках из перфекта, как это имеет место в турецком языке, ср. Ahmet gelmiş 'Ахмет пришел', что имеет также значение 'пришел, потому что вот его пиджак висит' (и т. п.). Но в языке пираха нет перфекта, то есть этот путь развития эвиденциалиса закрыт.

⁷ Любопытно, что наивная психология здесь в известном смысле смыкается с психологией ученого, прежде всего лингвиста. Для лингвиста типичен исследовательский подход, когда он ищет существенные признаки, например предложения, сама по себе реальность которого обычно не подвергается сомнению (за исключением некоторых направлений): ведь *слово* такое (*предложение*) есть. Здесь можно говорить о *реификации* — ошествлении абстрактного понятия и отражающего его знака (слова).

- Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1979.
- Мудрецы Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы / Перев. с кит. Л. Д. Позднеевой. Санкт-Петербург: Петербург — XXI век, Лань, 1994.
- Словарь по кибернетике / Под ред. В. М. Глушкова. Киев: Энциклопедия, 1979.
- Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфологии. Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967.
- Тулъвисте П. Культурно-историческое развитие вербального мышления. Таллин: Валгус, 1988.
- Эверетт Д. Не спи — кругом змеи. Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: ЯСК, 2016.
- Chomsky N., Halle M. The sound pattern of English. New York: Harper and Row, Inc., 1968.
- Hornby A. S. Guide to patterns and usage in English. Oxford: Oxford University Press, 1975.
- Hsieh H.-I. Logical, syntactic and morphological notions of subject // *Lingua*. 1979. Vol. 48. No. 4. P. 329–353.
- Kibrik A. The methodology of field investigations in linguistics. The Hague/Paris: Mouton, 1977.

discussion

Minimalism in Language and Speech

Vadim Kasevich

Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. In the linguistic sections of his book “Don't sleep, there are snakes”, Daniel Everett tries to demonstrate the highly unique nature of the Piraha language. Yet, in most cases his claim is not substantiated by actual facts. For instance, contrary to Everett's assertion, lexical tones are widely attested in diverse languages, including Chinese and Kwa. There is great focus on the problem of linguistic recursion. According to Noam Chomsky and many others, recursion rules are required for a communication system to become a language. Everett, meanwhile, emphasizes that what is easier to do in one language using recursion may be simply less difficult in another without recursion. It may be suggested that there is a special cognitive mechanism that selects the less costly option for achieving an optimal result.

Correspondence: Vadim Kasevich, vadim.kasevich@gmail.com, 11 Universitetskaya quay, Saint Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Russia

Keywords: minimalism, essentialism, low-cost cognitive options, recursion, cyclicity

Copyright © 2018. Vadim Kasevich. This is an open-access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution License \(CC BY\)](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the original author is credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice.

Received April 16, 2017, accepted March 25, 2018.

References

- Chomsky, N., & Halle, M. (1968). *The sound pattern of English*. New York: Harper and Row, Inc.
- Dahl, Ö. (2004). *The growth and maintenance of linguistic complexity*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Everett, D. (2008). *Don't sleep, there are snakes: Life and language in the Amazonian jungle*. New York: Pantheon Books.
- Glushkov, V.M. (Ed.). (1979). *Slovar po kibernetike [Dictionary in cybernetics]*. Kiev: Entsiklopedia. (In Russian).
- Hornby, A.S. (1975). *Guide to patterns and usage in English*. Oxford: Oxford University Press.
- Hsieh, H.-I. (1979). Logical, syntactic and morphological notions of subject. *Lingua*, 48(4), 329–353.
- Kasevich, V.B. (1996/2004). *Buddism. Kartina mira. Yazyk [Buddhism. Worldview. Language]*. Saint Petersburg: Tsentr “Peterburgskoe vostokovedenie”. (In Russian).
- Kasevich, V.B., & Novikova, M.F. (2016). Lineinoe prognozirovanie v rechi: Eskiz eksperimental'noi metodiki i nekotorye teoreticheskie soobrazheniya (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov) [Linear prognosis in speech: a sketch of an experimental technique and some theoretical considerations]. In *Mova. Movlennya. Komunikatsiya: Zbirka statei na chest' yuvileyu O.I. Steriopolu [Language. Speech. Communication. Paper collection for O.I. Steriopolu's Jubilee]* (pp. 77–95) Kiev: Vyd. tsentr KNLU.
- Kibrik, A. (1977). *The methodology of field investigations in linguistics*. The Hague/Paris: Mouton.
- Koshelev, A.D. (2016). Pirakha kak primer yazyka, “zastyvshego” na nachalnoi stadii evolyutsii. Posleslovie [Piraha as a case of language that stopped on the initial stages of its development. An afterword]. In Everett D. *Ne spi — krugom zmei. Byt i yazyk indeitsev amazonskikh dzhunglei [Don't sleep, there are snakes: Life and language in the Amazonian Jungle]* (P.S. Dronov, I.V. Mokin, E.N. Panov, Trans. into Russian) (pp. 341–378). Moscow: LRC Publishers. (In Russian).
- Luria, A.R. (1979). *Yazyk i soznanie [Language and consciousness]*. Moscow: Moscow State University. (In Russian).
- Mudretsy Kitaya: Yan Chzhu, Letszy, Chzhuantszy [The great thinkers of China. Yang Zhu, Leizi, Zhuang Zhou]* (1994). Saint Petersburg: Petersburg—XXI, Lan.
- Trubetskoy, N.S. (1967). Nekotorye soobrazheniya otnositelno morfonologii [On Morphonology]. In *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok [Prague Linguistic School]* (pp. 115–118). Moscow: Progress. (In Russian).
- Tulviste, P. (1991). *The cultural-historical development of verbal thinking*. Hauppauge, NY, US: Nova Science Publishers.
- Vannikov, Y.V. (1990). Partsellyatsiya [Parcelling]. In *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Linguistic encyclopedic dictionary]* Moscow: Sov. Entsiklopediya. (In Russian).
- Vygotsky, L.S. (1982/1987). Problems of general psychology. In *The collected works of L.S. Vygotsky (vol. 1)*. New York: Plenum Press.